

© Т. В. Мисникевич,
© Леа Пильд (Эстония)

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН — ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ ХЕНРИКА ВИСНАПУУ*

В поэтическом сборнике «Amores» (1917) Хенрик Виснапуу, один из наиболее талантливых представителей неоромантического течения в эстонской поэзии начала XX века,¹ одновременно решает несколько задач, связанных с обновлением поэтического языка. Это — утверждение неклассических размеров (целый ряд стихотворений написан верлибром), введение новых строфических форм (показательно, что каждое отдельное стихотворение сборника имеет собственную, непохожую на структуру других текстов строфику), утверждение неточной и ассонансной рифмы, расширение приемов звукописи, введение в эстонскую поэзию смелых эротических образов и мотивов, образование неологизмов и, наконец, попытка создать сверхстиховое единство, организуемое образом лирического героя.² Автор вполне осознает свое новаторство и определенно рассчитывает на высокую оценку нововведений со стороны критики и читателя.

* Работа выполнена в рамках гранта целевого финансирования TFLGR 0469.

¹ Виснапуу Хенрик (1890—1951) — эстонский поэт, драматург, литературный критик. Первые стихотворения Виснапуу написаны в 1908 году. В 1917 году становится членом основанной Аугустом Гайлитом модернистской литературной группировки «Сиуру», в которую входили также Мария Ундер, Фридеберт Туглас, Йоханнес Семпер, Йоганнес Барбарус и др. В 1920—1930-е годы Виснапуу — один из самых видных поэтов Эстонии, автор целого ряда поэтических сборников. В 1944 году бежал в Австрию, а в 1949 — эмигрировал в США. Умер в Нью-Йорке.

² О структурных и тематических особенностях сборника «Amores» см.: *Mägi Arvo. Henrik Visnapuu luule // Visnapuu Henrik. Kogutud teosed.* Stockholm: Vaba Eesti, 1964. Kd. 1. Lk. 21—22; *Peep Harald. Henrik Visnapuu. Ühe elu — ja loometee piirjooni.* Tallinn: Eesti Raamat, 1989. Lk. 32—34.

Небезынтересно, что композиция и лирический сюжет «Amores» находятся в определенной зависимости от целого ряда структурных элементов «книг стихов» русских символистов. В первую очередь, это лирическая трилогия Александра Блока с ее «тезой», «антитезой» и «синтезом». Вместе с тем заметны следы воздействия сборников «Urbi et Orbi» (1903) Валерия Брюсова и некоторых поэтических деклараций Константина Бальмонта, в частности в его сборнике «Будем как солнце» (1903).

Эстонская литературная критика книгу стихов «Amores» в целом не приняла.³ Авторы рецензий признавали поэтический талант автора «Amores», однако считали, что сборник написан и издан с целью литературного эпатажа. Они единодушно упрекали Виснапуу в надуманности образов и метафор, в намеренном переусложнении поэтической мысли, в подражании футуристам.⁴ После 1918 года, когда в Эстонию переезжает Северянин и у автора «Amores» завязываются с «королем поэтов» дружеские отношения, Виснапуу начинают упрекать в подражании Северянину.⁵ Сам поэт утверждал в статье 1922 года, что познакомился с творчеством Северянина, т. е. прочел вышедший в 1913 году «Громокипящий кубок», только в 1915 году, а большая часть стихотворений будущего сборника «Amores» была написана раньше и, следовательно, «влияния» Северянина он не испытывал.⁶

В критических отзывах на «Amores» «сложным» и бросающим вызов публике произведениям противопоставляются немногие «простые» стихотворения сборника,⁷ «простота» усматривается не только в традиционной тематике и стилистике и классических рифмах: «простыми» (т. е. приемлемыми для чтения и соответствующими современной эстетической норме) признаются также стихотворения, написанные верлибром, если в них отсутствуют эротические образы, резко сниженный стилистический регистр, неологизмы. В целом часть критиков (особенно литературных новаторов, но все же более сдержанных, чем Виснапуу) была согласна, что реформировать эстонский стих в сторону неклассических размеров необходимо (это придает эстонскому стиху прежде не присущие ему легкость и певучесть). Однако, например, прием ономастопеи, довольно часто используемый Виснапуу, с точки зрения критиков, нарушал «простоту» как стилистическую норму.

Тем не менее критики справедливо отметили и неудачный характер многих метафор, и присутствующую в некоторых текстах самоценную установку на литературный эпатаж,⁸ и встречающуюся временами диспропорцию между формой и содержанием (действительно, например в стихотворении «Покорение» («Alistumine»), на уровне содержания происходит отказ от индивидуалистического наслаждения жизнью, а на других уровнях построения текста сохраняется прежняя «орнаментальная» структура: перенасыщенность аллитерационными созвучиями, внутренними рифмами, лексическими повторами, инверсиями). Следует признать, что при целом ряде ярких стихотворений и удавшейся, в общем, попытке построения сверхстихового единства сборник по своему составу очень неровный.

Решение перевести книгу на русский язык и обращение с этой целью к Северянину имели несколько причин, но одна из основных — это добиться настоящего,

³ См., например: *Kärner Jaan. Severjanin — Visnapuu — Kussikov // Kärner Jaan. Lehed tulde. Ääremärkusi ja arvustusi. 1911—1922. Tartu, 1924. Lk. 40—48; Tammsaare Anton Hansen. Henrik Visnapuu «Amores» (1918) // Tammsaare A. H. Kogutud teosed. Publitsistika II (1914—1925). Tallinn: Eesti Raamat, 1988. Lk. 343—345.*

⁴ *Tammsaare Anton Hansen. Op. cit. Lk. 343—344.*

⁵ *Kivikas Albert. Vene mõju Henrik Visnapuu loomingus // Päevaleht. 1921. 21 märts. Lk. 41—46. 30 märts. Lk. 49—52.*

⁶ *Visnapuu Henrik. Kirjanduspoliitika ehk minu sõber Jaan Kärner // Päevaleht. 1922. Nr. 94. 26 apr. Lk. 5.*

⁷ *Tammsaare Anton Hansen. Op. cit. Lk. 345.*

⁸ *Pöld Peeter. Mõned «Siuru» kultuurilised konsekventsid // Uus Postimees. 1917. 30 detsember. Lk. 3.*

подлинного признания, в первую очередь у отечественной критики и читателя. Виснапуу рассчитывал на высокую литературную репутацию Северянина в Эстонии.⁹ Однако, как подчеркнул в статье «Эстония и Игорь Северянин» Рейн Круус, в 1920-е годы Северянин уже не был столь популярен в Эстонии, как в пору своего приезда и поселения здесь в 1918 году.¹⁰ Если в начале своего пребывания в стране «король поэтов» имел в глазах местного населения ореол «мученика», «жертвы большевиков», то после заключения Тартуского мира его личность уже не привлекала среди соотечественников Виснапуу (в том числе и литераторов) столь большого внимания (на первый план выдвинулись другие, более актуальные, задачи и интересы). Однако в русскоязычной эмигрантской прессе за Северяниным сохранялась репутация опального талантливому русского поэта, тепло принятого в гостеприимной Эстонии. В русской эмигрантской критике неизменно подчеркивался интерес эстонской интеллигенции к творчеству Северянина. К примеру, Петр Пильский писал в связи с двадцатилетним юбилеем литературной деятельности поэта в 1925 году: «В Эстонии — второй родине Северянина — его лучше, чем где-нибудь, знают, ценят, любят».¹¹

Из писем поэта к будущей жене Хильде Виснапуу (Инг) известно, что над подстрочными переводами стихов Виснапуу на русский язык автор сборника «Amores» и переводчик работали летом 1919 года.¹² В этом же году Виснапуу опубликовал статью о Северянине в третьем номере журнала «Odamees».¹³ Некоторая часть положений статьи была, по всей видимости, позаимствована из работы Валерия Брюсова о Северянине (впервые опубликованной в сборнике «Критика о творчестве Игоря Северянина», 1916 год).¹⁴

Заслуживает внимания тот факт, что переводы семи стихотворений Виснапуу сохранились среди материалов Северянина в архиве Федора Сологуба в Пушкинском Доме.¹⁵ Тексты переводов переписаны рукой неустановленного лица. Четыре из них имеют помету: «Перевод Игоря Северянина». Это входящие в сборник «Amores» стихотворения «Одной женщине», «Сapre Diem», «Боже, помилуй большую жажду...» и «Вечно»; два стихотворения — «Рождественская ночь» и «Беседа с Богом. 10» — из сборника «Серебряные бубенчики» (1920), стихотворение «Дай-

⁹ В частности, Северянин, несомненно, был литературным авторитетом для участников эстонской модернистской группы «Сиуру» (в архиве Эстонского Литературного музея им. Ф. Крейцвальда сохранилась датированная 28 октября 1918 года приветственная открытка Северянину, подписанная Х. Виснапуу, Фр. Тугласом, М. Ундер и другими участниками литературной группировки; см.: F. 216. M 2 : 9).

¹⁰ *Kruus Rein. Eesti ja Igor Severjanin // Looming. 1987. Nr. 5. Lk. 691.*

¹¹ *Пильский Петр. На тихом озере // Последние известия (Ревель). 1925. 2 авг. № 174. С. 2.*

¹² *Ingi ja Visnapuu kirjavahetus / Publ. P.-E. Rummo // Keel ja Kirjandus. 1968. Nr. 2. Lk. 104.* О творческих и дружеских контактах Северянина и Виснапуу свидетельствуют также дарственные надписи на экземплярах авторских сборников Виснапуу, сохранившихся в составе библиотеки Северянина в Эстонском Литературном музее им. Ф. Крейцвальда: «Дорогому Игорю Северянину с сердечным приветом автор» (*Amores. Tln., 1917; шифр: S. 281*), «Igori Julgelle hüüdele: Elagu Elu! Sõpruses Autor. Toila, 4. IX 19» (*Jumalaga, Ene! Trt., 1918; шифр: S. 283*), «Дорогому Игорю автор. Юрьев, 16. XII 20» (*Käoorvik. Poeside 5 rmt. [Trt.], 1920; шифр: S. 285*), «Ig. Severianinile sõprusen Autor. 1927 a. Toilas» (*Talhari. Trt., 1920; шифр: S. 290*), «Прими благосклонно, дорогой Игорь, эту книгу от горячо тебя любящего Автора» (*Valit värsid. Tln., 1921; шифр: S. 291*), «Дорогому, незабвенному Игорю Васильевичу Северянину. Автор» (*Ränikivi. Trt., 1925; шифр: S. 288*), «Igor Severjaninile Maarjamaa laulud'e autor sõprusen. Tartu, 4. III 28» (*Maarjamaa laulud. Luuletused. [Trt.], 1927; шифр: S. 287*), «Ig. Severjaninite vanas sõpruses Hen. Visnapuu. 1937. Tallinn» (*Saatana vari. Romaan värsiden. Trt., 1937; шифр: S. 289*). Вероятно, в работе над переводами Северянину помогла и его жена, Фелисса Круут. На экземпляре 2-го издания «Amores» (*Trt., 1919*) поэт записал: «Книгу друга своего / Дам я другу моему — / Фелиссе. Игорь. 1921. VII, 6. Toila» (*шифр: S. 282*).

¹³ *Visnapuu Henrik. Igor Severäänin // Odamees. 1919. Nr. 3. Lk. 29—40.*

¹⁴ *Брюсов Валерий. Игорь Северянин // Критика о творчестве Игоря Северянина. М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1916. С. 9—16.*

¹⁵ См.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. № 31. Л. 56—64 об.

те мне скорбным быть» из сборника «Дикие анютины глазки» (1920), вышедшего в переводе Северянина на русский язык под названием «Полевая фиалка» в 1939 году. Виснапу по просьбе Северянина посетил Сологуба в Петрограде осенью 1921 года и, возможно, передал ему для ознакомления переводы вместе с письмом Северянина. Какие-либо отклики Сологуба на переводы Северянина из Виснапу не зафиксированы, зато Виснапу оставил о бывшем покровителе Северянина далеко не благожелательный отзыв в очерке «В красной России», опубликованном в журнале «Odamees» в 1922 году.¹⁶ Сологуб изображается здесь как брюзжащий на жизнь литератор и явно осуждается. Ему противопоставлены недавно умерший «яркий» поэт Блок (автор «Двенадцати») и недавно расстрелянный «блестящий филолог» Гумилев.¹⁷

Северянину, напротив, было важно именно Сологубу сообщить о своем вхождении в культурную жизнь приютившей его страны. Он писал Сологубу 2 марта 1921 года: «Родной мой Федор Кузмич! С дорогой Анастасией Николаевной и Вами я не виделся, — на днях этот срок минует! — 3 года. Из милой Эстии моей пошла первая почта в Россию весной, — в апреле, — 1920 г., но адреса Вашего нового я не знал, а старый забыл. Только недавно, — я дал в Риге 2 концерта, — узнал я, где Вы живете, от Б. Витвицкой. Я рад этому и вот посылаю Вам первую весточку „с утёсов Эстии“. (Название одной из моих книг)». И далее в письме продолжал: «Зимами много пишу, изредка даю вечера в Ревеле, Юрьеве и Нарве. Эстийское изд(ательств)во „Odames“, выпустило 3 книги моих поэм».¹⁸

Упомянутая в письме книга «С утесов Эстии» — задуманная Северяниным антология переводов эстонской поэзии, вышедшая только в 1929 году под названием «Антология эстонской поэзии за сто лет».¹⁹ Об этих переводах Северянин писал 4 апреля 1923 года Августе Барановой: «За эти годы моей жизни в Эстонии я перевел 3 книги с эстонского, не зная языка. Основывался только на ритме, рифмах и чутье; в прозе, дословно, переводила мне жена и сами авторы».²⁰

Знакомство читателей с переводами Северянина с эстонского состоялось в 1920 году: в ревельской газете «Последние известия» были опубликованы его переводы из Виснапу.²¹ В дальнейшем переводы Северянина появлялись в эстонской русскоязычной прессе довольно регулярно.²² Единичные публикации переводов вполне закономерно не вызвали откликов в печати. Показательна оценка преподавателя Юрьевского университета Бориса Васильевича Правдина, присутствовавшего

¹⁶ *Visnapu Henrik*. Punasel Venemaal // *Odamees*, 1921. Nr. 3. Lk. 115—116.

¹⁷ *Ibid.* Lk. 116.

¹⁸ *Северянин Игорь*. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публикация Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 726.

¹⁹ История публикации антологии подробно представлена в статье: *Круус Рейн*. Новые данные о жизни и творчестве Игоря Северянина // *Учен. зап. Тартуск. ун-та. Тарту*, 1986. Вып. 683. С. 32—37.

²⁰ *Северянин Игорь*. Письма к Августе Барановой. 1916—1938 / Сост., подг. текста, введ. и комм. В. Янфельдта и Р. Крууса. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1988. С. 37. О Северянине — переводчике с эстонского см.: *Исаков Сергей*. Игорь Северянин и Эстония // *Северянин Игорь*. Сочинения. Таллинн: Ээсти раамат, 1990. С. 32—34.

²¹ См.: *Северянин Игорь*. 1) Вешночное («Спускалось солнце душно...». Из Г. Виснапу) // *Последние известия (Ревель)*. № 9. 23 авг.; 2) Когда наступит забвенье («Петь о любимой рано мне...». Из Г. Виснапу) // Там же. № 87. 23 нояб. С. 2.

²² Например, в «Последних известиях» были напечатаны: «Боги и глупцы» («Боги бессмертные, в небе живущие...». Из Г. Суйтса) — 1921. № 109. 9 мая; «Ночь под Ивана Купала» («В канун принесла ты с покоса...». Из Г. Виснапу) — 1921. № 161. 4 июля; «Наступление осени» («Ржавчину сыпья и золото алое...». Из А. Алле) — 1921. № 222. 13 сент.; «Аренбургская дача» («Ах, это-то и есть сам Куресаре...». Из Г. Виснапу) — 1921. № 236. 29 сент.; «Забуть?» («Что родина перестрадала...». Из Адо Рейнвальда) — 1924. № 52. 24 февр.; «Лодка, медленно качаясь...» (Из Лидии Койдула) — 1926. № 83. 16 апр. С. 3; «Как ходить приятно...» (Из М. Веске) — 1926. № 88. 22 апр. и др. Подробнее см.: *Фигурнова Ольга*. Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библиографии // *De Visu*. 1993. № 2. С. 44—49.

го на организованном издательством «Одамеэс» поэзвечере в университете 6 февраля 1920 года. На следующий день Правдин написал стихотворение об этом вечере, в котором иронически отметил «привнесения» Северянина в переведенные им стихотворения Виснапуу:

Вы гневно пели о Гоморре,
Сплетали мирты Красоте,
И в оверлзненных «Amoges»
молились Яви и Мечте.

Но не взнесли от сонной тины,
Не олазорили толпу —
Ни ваши четкие секстины,
Ни девогимны Visnapuu.²³

Определение переводов как «девогимнов» (с очевидным намеком на северянинские неологизмы) было вполне закономерной реакцией слушателя, знакомого с оригинальным творчеством Виснапуу. Перевод Северянина вышел в свет в Москве, в издательстве «Накануне», в 1921 году (на обложке — 1922 год). В предисловии к книге, написанном по просьбе Виснапуу (и, скорее всего, при его непосредственном участии) А. Кусиковым, переводы Северянина были признаны неудачными: «Северянин, как специфический поэт, северянизировал до „грезоужаса” свою работу. По этим переводам трудно судить о настоящем Генрике Виснапуу».²⁴ Под «северянизмами» автор предисловия подразумевал используемые поэтом в оригинальной лирике экзотизмы или «чужие» реалии, укорененные в русском языке («амулет», «паж», «эскиз», «экстаз», «коттедж»), знаменитые северянинские неологизмы («грезерка», «лесотень», «овесень», «снежить», «фиоль»), а также восходящие к языку XVIII века архаизмы. Однако Виснапуу, очевидно, был доволен самой возможностью представить первый сборник своих стихотворений русской читательской аудитории: «Дорогому Игорю-переводчику с горячим сердечным приветом. З. III. 22. Автор» — гласит надпись на экземпляре издания перевода «Amoges», сохранившемся в составе библиотеки Северянина.²⁵

Создается впечатление, что Северянин в книге переводов из Виснапуу сознательно представил все образцы собственных языковых экспериментов, тем самым подчеркивая новаторский характер творчества эстонского поэта и как бы повторяя вместе с ним собственный поэтический путь. Известно, что эксперименты Северянина далеко не однозначно оценивались критикой и были предметом многочисленных пародий. Российскими критиками были отмечены две главные особенности языка Северянина. С одной стороны, это нарочитая архаизация поэтического языка, с другой стороны, многочисленные неологизмы, механизмы образования которых опять-таки были заложены в период становления русской поэтической речи. Так, В. Брюсов писал по этому поводу: «Впадая совершенно в державинский стиль, Северянин пишет, что народ ему „возгремит хвалу”, что Париж „вдрожит”, употребляет выражения „злато”, „ко пристаням”, „зане”...», и одновременно отмечал, что «кое-какие права на звание новатора дают Игорю Северянину лишь его неологизмы. Среди них есть много глаголов, образованных с помощью приставки „о”, напр., удачное „олунить” и безобразное „озабветь”».²⁶ В. Шершеневич доказывал, что словесные эксперименты кубо- и эгофутуристов восходят к литературе XVIII века: «Уже у Державина мы найдем стихотворение, написанное специально

²³ Via sasga: Альманах / Игорь-Северянин, Владимир Адамс-Александровский, Иван Беляев, Борис Правдин. Юрьев-Tartu: Odamees, 1922. С. 59.

²⁴ Кусиков Александр. Вместо предисловия // Виснапу Генрик. Amoges: Первая книга стихов / Пер. с эстонского Игоря Северянина. М., 1922. С. 11.

²⁵ Шифр S. 51.

²⁶ Брюсов Валерий. Игорь Северянин // Критика о творчестве Игоря Северянина. С. 15.

без буквы „р”. (...) Кантемир изобрел „средотони”, „понятие”, „временщик” и др., Третьяковский — „подлежащее”, „искусство”, „внимание”, „великолепный”. Державин — „ручьится”». ²⁷

В сборник 1916 года «Критика о творчестве Игоря Северянина» вошла работа профессора Р. Ф. Брандта, где делается попытка дать объективную оценку словотворчества поэта. Он также видит его истоки в творчестве поэтов XVIII века: «Употребляет он следующие укороченные слова: Богомат (В березовом котэдже), прелюд: в прелюде месяца лилового — причем, впрочем, неясно, какой это месяц (В Миррэлии), провинца и квинт-эссенца: в одну из моревых провинц (На летуне), квинт-эссенца специй (Цветок букета дам). С последними можно сравнить державинские бердыши „милицы” вм. „милиции” (Евгению, Жизнь Званская, 38)». ²⁸ Брандт последовательно выявляет примеры экспериментов Северянина с различными частями речи. По его мнению, наиболее частые новации можно разделить на шесть видов: в глаголах на «ить» и «еть», в предложных и сложных прилагательных, в существительных на «ье» и «ие», в существительных типа «гладь», в сложных существительных.

Все примеры подобного рода (использование как архаизмов, так и неологизмов) обнаруживаются в переводах Северянина из Виснапуу. Так, в стихотворениях «Вечно» и «Когда прорастает цветок любви» употреблен изобретенный Северяниным глагол «крылить». Брандт отметил, что Северянин употребляет его в двух значениях «лететь, нестись» и «окрылять». В таких значениях он употреблен и в переводах. В стихотворении «Вечно» — в значении «нестись»: «О, сердцу тебя не забыть, — / К тебе его жажду крылить» ²⁹ (можно сравнить со стихотворением Северянина «Фиалка»: «О ты, чье сердце крылит к раздолью»). В стихотворении «Когда прорастает любви цветок» — в значении «окрылять»: «Душа крылит мечтой всегда свободной». ³⁰

С наибольшей концентрацией «северянизмы» представлены в стихотворениях «Вешненочное» и «Вешненочь»: это глаголы «гамити, факелить, светозариться, комариться, озерелиться — в значении «превратиться в озеро»; прилагательные «подсветильные», «майные», «синь-загадные»; наречия «дужно», «головокружно», «белопахуче»; существительные «небоклучие», «истомь», «цветоземля», «цветочаща» и т. д. Стоит отметить, что стихотворение «Вешненочь» впервые было опубликовано в 1921 году в ревельской газете «Свободное слово» под названием «Вешняя ночь». ³¹ Это косвенно подтверждает, что приближение языка переводов к собственному поэтическому языку входило в переводческую стратегию Северянина.

Итак, частотность «северянизмов» в большинстве стихотворений русскоязычной версии «Amoges» исключительно высока. Однако если сопоставить оригинальные тексты Северянина конца 1910-х — начала 1920-х годов с его же переводами из Виснапуу (или других эстонских поэтов неоромантического направления), то оказывается, что между лирикой Северянина и его неоригинальными текстами в этом отношении есть принципиальная разница. В лирике поэта этого периода использование индивидуальных неологизмов или архаизмов, как правило, носит продуманный, сопряженный с остальными элементами текста характер: неологизм соотносен с другими словами стихотворения по принципу фонической игры (аллитерации

²⁷ Шершеневич Вадим. Футуризм без маски. М., 1914. С. 65, 80.

²⁸ Брандт Роман. О языке Игоря Северянина // Критика о творчестве Игоря Северянина. С. 140.

²⁹ Виснапуу Генрик. Amoges: Первая книга стихов / Пер. с эстонского Игоря Северянина. С. 22.

³⁰ Там же. С. 26.

³¹ См.: Северянин Игорь. Вешняя ночь (Из Г. Виснапуу) // Свободное слово (Ревель). 1921. № 37. 2 июня. С. 2.

онного соответствия): «О среброголубые кружева / Уснувшей снежной улицы — аллеи! / Какие подыскать для вас слова, / Чтоб в них изобразить мне вас милее. / В декабрьской летаргии, чуть жива, / Природа спит. Сон — ландыша белее. / Безмужняя зима, ты — как вдова. / Я прохожу в лазури среброкружев, / Во всем симптомы снега обнаружив» («Нона»);³² «северянизмы» — повторяющиеся ключевые слова стихотворения (например, «огнесловье» в стихотворении «Секстина XII»); неологизм соотносится с грамматически сходными образованиями (например, в стихотворении встречается несколько глаголов с приставкой «за», некоторые из них — неологизмы): «Зачеремущатся, засиренятся / Под разливной рекою кусты. / Запоют, зашумят, завесенятся / Все подруги твои, как — и ты» («Поэза весеннего ощущения»);³³

Вместе с тем у Северянина есть произведения, где неологизмы оказываются неорганичным, «чужим» элементом структуры стихотворения. Например, в стихотворении «Поэза дополнения», где Северянин обрушивается на русских кубофутуристов, обвиняя их в разрушении культуры, происходящем в Советской России («Не ваши ль гнусные стихозы и „современья пароход” / Зловонные взрастили розы и развратили весь народ»);³⁴ новообразования противопоставлены «обыкновенным» (т. е. укоренившимся в языке) словам: «стихозы» — «розы», «современья пароход» — «народ» (здесь и далее курсив наш. — Т. М., Л. П.). Подчеркивается «чуждость» этих неологизмов привычной лексике (последняя здесь понимается как часть разрушаемой культурной традиции), а также то, что они нарушают столь любимое Северяниным благозвучие.

Употребление северянизмов в переводах из Виснапуу, скорее, близко последнему примеру, хотя и не тождественно ему. Если в упомянутом выше стихотворении поэтическая лексика и грамматика создают картину разрушаемой, исчезающей культуры в Советской России, то в русскоязычной версии «Amores» Северянин главным образом посредством поэтической лексики моделирует образ становящейся культуры, еще не свободной от своего «докультурного» прошлого.

Сгущенность северянизмов (или же, наоборот, их «одинокость» — несогласованность в тексте с другими словами, звуками, грамматическими формами) может знаменовать в переводах не до конца развившийся эстетический вкус, претенциозность, присущую, кстати, ранней поэзии самого Северянина, попытку молодого поэта и новой эстонской поэзии утвердиться в большой литературе, установку на литературный эпатаж, посредством которого происходит утверждение себя в поэзии (ср., например: «Как ужасны в теле мы своем! Девушки, спасайте дух и тело: / Свадьбящей собакой, то и дело, / Бродим обувь сняв...» («Молодым девушкам»);³⁵ «Я факелил тебе страстей сжиганьем, / Снежеющих так искрово в ночи, / И хрупкотени призрачным мельканьем / Через твое лицо судьбою мчит...» («Гимны ночи»);³⁶ «Я ворожу, волиблю, томлюсь теперь <...> / В самовоспении жизнь была, была в стремленьи этом <...> / О вы, вы предомнойные, я к вам <...> / Шаг сбит с пути: виной — глазообман. / Нет от страданий сил» («Покорение. I»);³⁷ Той же цели (продемонстрировать сам процесс становления поэтического языка и подчеркнуть главным образом неудачи на пути к подлинной поэзии) могут служить встречающиеся в переводах грамматические «неправильности»: «Земля бела: снежноголовых

³² Северянин Игорь. Сочинения: В 5 т. / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. А. Кошелева, В. А. Сапогова. СПб.: Logos, 1995. Т. 3. С. 49.

³³ Там же. С. 44.

³⁴ Там же. С. 28.

³⁵ Виснапу Генрик. Amores: Первая книга стихов / Пер. с эстонского Игоря Северянина. С. 56.

³⁶ Там же. С. 55.

³⁷ Там же. С. 68.

дев / Весенний круг вился, в ладони хлопав» («Уходи»);³⁸ «О, жабная душа, чей строй так яр, / И кто живуча в размноженном теле...» («Божественной любви»);³⁹

«Северянизмы» переводчик использует и в качестве замены южноэстонской диалектной лексики («О, женщина без покрывала, / Где знак сладострастья в грудах, / Ведь грех кровосмеси ни мало / Ее не приводит в страх» («Но Ты, Ты, Богородица...»);⁴⁰ ср.: «ei pelgä ta veripatte, на astva tal takan ning een»);⁴¹ В результате стилистическое многообразие в экспериментальных, но тесно связанных со стилистикой эстонского фольклора (и поэтому зачастую поэтически органичных) стихотворениях Виснапуу превращается в тяжеловесное однообразие, лишенное собственно поэтической эмоции. Исчезает и присущая поэзии Виснапуу, а также стихам самого Северянина «музыкальность» стиха, напевная интонация.

Даже в тех стихотворениях, где у Виснапуу нет «неологизации», диалектных слов, сгущенной метафорики и установки подразнить читателя, где он стремится к максимальной стилистической и содержательной простоте, Северянин не перестает использовать уже привычную для него стратегию. Так, название предпоследнего (очень серьезного и «не эпатажного») стихотворения сборника, «На лесном хуторе» («Metsatalus»), переводится как «Лесодомик», вызывающий вполне отчетливые ассоциации с такими известными читателю «северянизмами», как «озерзак», «лесофея» (при этом слово «хутор» входило в поэтический лексикон Северянина). Такой перевод моментально переключает стихотворение в чуждую ему «легкую», претенциозную, «осеверяненную» тональность.

Драматизм, предельное напряжение лирической эмоции, присущие Виснапуу, Северянину-переводчику (а иногда — автору оригинальных стихотворений) органически чужды. Как известно, Осип Мандельштам, прочитав «Громокипящий кубок» и указав в нем на «чудовищные неологизмы», определил своеобразие поэтической индивидуальности Северянина так: «легкая восторженность и сухая жизнерадостность».⁴² Тем не менее Северянин была близка широта эмоционального и тематического диапазона творчества Виснапуу, адекватно отражающая сложный мир человека переломной эпохи. В. Ходасевич в рецензии на первое издание «Громокипящего кубка» писал: «„Футурист“ — слово это не идет к Игорю Северянину. Если нужно прозвище, то для И. Северянина лучше образовать его от слова „present“, „настоящий“. Его поэзия необычайно современна — и не только потому, что в ней часто говорится об аэропланах, кокотках и т. п., — а потому, что чувства и мысли поэта суть чувства и мысли современного человека, потому что его душа — душа сегодняшнего дня. Может быть, в ней отразились все пороки, изломы, уродства нашей городской жизни, нашей тридцатилетней культуры, „гнилой, как рокфор“, — но в ней отразилось и небо, еще синее над нами».⁴³ Отчасти это можно отнести и к Генрику Виснапуу, задумывавшемуся, как он пишет в «Прологе» к сборнику, о «равновесье в век железный» («kas gaudse ajaga pean tasakaalu?»).⁴⁴

Эстонскому поэту посвящено стихотворение Северянина «Рондо Генрику Виснапуу», вошедшее в сборник «Менестрель» (1921). Над сборником и над переводами из Виснапуу Северянин работал одновременно. Не случайно на обороте титульного листа принадлежащего Северянину экземпляра сборника, хранящегося в Эстон-

³⁸ Там же. С. 70.

³⁹ Там же. С. 63.

⁴⁰ Там же. С. 59.

⁴¹ *Visnapuu Henrik. Kogutud teosed.* Stockholm: Vaba Eesti, 1964. Kd. 1. Lk. 72.

⁴² См.: Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 2011. Т. 3. С. 90.

⁴³ Ходасевич Владислав. Рецензия на первое издание «Громокипящего кубка» // Игорь Северянин. Царственный паяц: Автобиографические материалы. Письма. Критика / Сост., вступ. статья и комм. В. Н. Терехиной и Н. И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2005. С. 423.

⁴⁴ *Visnapuu Henrik. Kogutud teosed.* Stockholm: Vaba Eesti, 1964. Kd. 1. Lk. 32.

ском Литературном музее им. Ф. Крейцвальда, сделана запись: «Этот том исполнен Eesti. Toila 1919 г.».⁴⁵

В стихотворении «Рондо Генрику Виснапу» Северянин определяет, что именно ему близко в лирике эстонского поэта:

У Виснапу не только лишь «Хулень»
На женщину, дразнящее толпу:
Есть нежное, весеннее влюбленье
У Виснапу.

Поэт идет, избрав себе тропу,
Улыбкой отвечая на гоненье;
Пусть критика танцует ки-ка-пу —

Не в этом ли ее предназначенье?
Вдыхать ли запах ландыша... клопу?
— О женщины! как чисто вдохновенье
У Виснапу.⁴⁶

Хорошо известно, что, начиная с «эстонского» периода, Северянин (при всех самоповторах, присущих его стихам, созданным в это время) постепенно отходит от ориентации на модернистскую поэзию и переключает внимание на классическую традицию русского стиха.⁴⁷ Очевидно, что к современным эстонским поэтам и их творчеству он относится как к своеобразному повторению своего собственного пути в поэзии, и во многом — пути всего русского модернизма. В своих переводах он не столько пытается приблизиться к тексту оригинала, сколько создать поэтическую модель современной эстонской поэзии с точки зрения своей нынешней эстетической позиции. Позиция эта в целом неоднозначна. С одной стороны, ирония и самоирония по отношению к прежней установке «популярить изыски», к стремлению эстонских поэтов писать неклассическим стихом, использовать в поэзии ассонансные рифмы, которые, кстати, были для эстонского стиха весьма органичны, потому что употреблялись в народной поэзии. С другой стороны, как уже говорилось выше, память о собственном вхождении в литературу, сопровождавших его литературных победах и поражениях, была неизменно дорога переводчику «Атогес», тем более что автор «Рояля Леандра» и «Классических роз» не отказался окончательно от своей ранней поэтики.

Северянину принадлежат переводы из других сборников Виснапуу, опубликованные в периодике, и перевод сборника «Дикие аютины глазки», изданного в 1939 году в Нарве под названием «Полевая фиалка».⁴⁸ Оригинальный сборник вышел в 1920 году,⁴⁹ в нем просматривается иная эстетическая ориентация Виснапуу, вышедшего из состава модернистской группировки «Сиуру» в 1919 году. Новые, более сдержанные стилистические установки эстонского поэта оказались близки Северянину, явно уставшему от вычурности и «изысков».

Переводческий успех Северянина был отмечен критиком Петром Пильским, написавшим рецензию на сборник «Полевая фиалка» для рижской газеты «Сегодня». Пильский подчеркнул, что «судя по этой книжке Игоря Северянина, Виснапу — оригинален, своеобразен, искренен; заразиться этой искренностью, передать ее нашему слуху и сердцу не так легко. Игорю Северянину это удалось. Результат его работы — хорош. Угадывается близость души переводчика с душой

⁴⁵ Цит. по: *Северянин Игорь*. Сочинения: В 5 т. / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. А. Кошелева, В. А. Сапогова. СПб.: Logos, 1995. Т. 3. С. 395.

⁴⁶ Там же. С. 11.

⁴⁷ См., например: *Исаков Сергей*. Игорь Северянин и Эстония. С. 5—34.

⁴⁸ См.: *Виснапу Генрик*. Полевая фиалка / Пер. И. Северянина. Нарва, 1939.

⁴⁹ См.: *Visnapuu Henrik*. Käoorvik: poeside viies raamat. Tartu: Noor-Eesti, 1920.

поэта и точность перевоплощения его мотивов и настроений — Виснапу предстает понятным и понятным, воскресли угаданными и дух стихотворений, и душа их автора». ⁵⁰

Далее Пильский определяет особенности самого Виснапу: «Виснапу — талантливый поэт. У него — хрустальная прозрачность тем, осязательность лирических сюжетов, небесные струения отнимаются и сливаются с земной плотью и земными помыслами: это не бескостность, но мреющий, ползучий туман, — здесь все прояснено и нигде не допущена неопределенность шатких, хотя бы и красивых слов. Основная стихия поэзии Виснапу может быть обозначена одним прелестным и тонким словом: нежность». В конце рецензии Пильский, правда, подчеркивает: «...почти никогда переводчик не может отрешиться от своей собственной личности, отместки и заглушить свои личные стиливые особенности, и здесь мы слышим пристрастия Игоря Северянина к новым словообразованиям. У него „ежевесно“, „стремглавно“, „светокруг“, „гудель“, а ели в снегу названы „сахароголовами“. Что ж? Как часто и тяжело надоедают нам знакомые, засиженные мухами слова — у Игоря Северянина многие из созданных им остались в русской речи и русском словаре, навсегда соединились с его именем талантливого поэта». ⁵¹

В конце 1930-х годов словотворчество Северянина воспринималось критикой гораздо спокойнее. Тот же Пильский в статье, посвященной 35-летию литературной деятельности Северянина, писал: «...почему нельзя сказать „оэкранен“, „офрачился“, если Жуковский не побоялся сказать „обезмышеть“». Критик оставил за поэтом право на словесные эксперименты, отмечая, что они сохраняются «и в его собственных стихах, и в его переводах, и многие из эстонских поэтов в северянинской передаче окрашены его словесными пристрастиями». ⁵²

Очевидно, что и творчество эстонских поэтов оставило свой след в поэтической эволюции Северянина. Северянин, в свою очередь, стремился осмыслить историю становления эстонской поэзии в целом. В 1924 году в ревельской газете «Последние новости» он опубликовал три очерка об эстонских поэтах. В очерк были включены и собственные переводы Северянина. ⁵³ В переводах он пытается передать особенности языка и стиля поэтов «переводимой» эпохи. Среди авторов, вступивших в литературу в 80—90-е годы XIX века, Северянин выделяет Якоба Тамма, Карла Сэета, Эдуарда Вэрмана, Элизу Аун, Юхана Лийва, Анну Хаава, Георга Луйга, Андреса Альвера. Переводы этих поэтов выдержаны в традициях русской народнической поэзии. Так, в качестве показательного примера Северянин приводит стихотворение Якоба Тамма «Корчма»:

Эту ветхую избушку
Ветер на бок повалил.
Удержать ее на месте
У подпорок мало сил.
Упадая, на соседку —
На корчму — взглянула зло,
Будто та была виною,
Что избе не повезло. ⁵⁴

⁵⁰ Пильский Петр. «Полевая фиалка». Стихи Генрика Виснапу в переводе Иг. Северянина // Сегодня (Рига). 1939. № 274. 4 окт. С. 8.

⁵¹ Там же.

⁵² Пильский Петр. Игорь Северянин: 35-летие литературной деятельности. Сегодня (Рига). 1940. № 31. 1 февр. С. 4.

⁵³ Северянин Игорь. 1) Эстонская поэзия. (Краткий обзор старой эстонской поэзии) // Последние известия (Ревель). 1924. № 55. 28 февр.; 2) Эстонская поэзия. (Конец XIX и начало XX века). Краткий обзор // Там же. № 61. 5 марта; 3) Эстонская поэзия. (Конец XIX и начало XX века). Краткий обзор (окончание) // Там же. № 273. 24 окт.

⁵⁴ Там же. № 61. 5 марта.

Среди сочинений Юхана Лийва Северянина привлекло стихотворение, напоминавшее ему Кольцова:

В чистой тишине
 На родном гумне
 Не звучат стопы.
 Сушки ждут снопы.
 Тишь, святая тишь,
 Ты в снопах стоишь.⁵⁵

Северянина интересуют и литераторы, вступившие в литературу в начале XX века. Он отмечает, что «с появлением этих поэтов в эстонской поэзии заканчивается эпоха так называемого „деревенского реализма” и возникает импрессионизм». Соответственно, меняется и характер переводов: Северянин начинает модернизировать их язык, используя свои неологизмы. Характерный пример — стихотворение Ридала «Во время болезни»:

Звезды все гаснут в испуге,
 Лик свой луна обледнила.
 Все оттого, что утрет,
 Утро мира осенило.
 Вот через серость квадратов
 Стекол проникли пунцово
 Солнца лучи, и каемки
 Облака дрогнули. Снова
 Глаз мой смежается. Тускло
 Пламя колеблется. Тайно
 Ночи лицо исчезает,
 Странное необычайно...⁵⁶

Размышления Северянина об эстонской лирике завершает заметка о Генрике Виснапуу, наиболее близком ему по духу: «„Amoges”, первая книга стихов Виснапуу, наделала в свое время много шума: автора укоряли в безнравственности и не прощали ему смелых оборотов и образов. Однако его последующие сборники, в особенности „Полевая фиалка”, „Серебряные бубенчики” с „Talihari” (9 марта), значительно примирили с ним „общественное мнение” {...} В стихах Виснапуу можно найти и нежную лирику и начала истого космоса. Вообще патриотизм старых поэтов блекнет во вселенчестве молодости. В этом отношении особенно характерны Виснапуу и разобранный в предыдущей статье Барбарус».⁵⁷

Строки из стихотворений Виснапуу «Нам все же братом остается человек» и «Письма Инг», по мнению Северянина, вполне могут послужить подтверждением того, что «страна, завоевавшая себе свободу, узкий патриотизм сменяет на чувство вселенчества, и в этой мудрости — ее гордость». «Я и моя Россонь, берущие истоки в России, приветствуем Тебя, дорогой Генрик, с Твоим Златолетьем. Соединяюсь с Твоей душой, как Россонь с Наровой!» — писал Северянин Виснапуу 31 декабря 1939 года.⁵⁸

В знак признания творческих достижений одного из лучших поэтов ставшей для него родной Эстонии Северянин включил сонет «Виснапуу» в свой сборник «Медальоны» (Белград, 1934), куда вошли стихотворения, посвященные наиболее значимым для него писателям и музыкантам.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. № 273. 24 окт.

⁵⁸ Эстонский Литературный музей им. Ф. Крейцвальда. F. 212. M 25 : 4.